

Ю.Г. Хазанкович

Якутский государственный университет

**Концептосфера поэзии Г.Н. Курилова – Улуро Адо
(к постановке вопроса)**

Аннотация: В рамках современной научной парадигмы назрела необходимость исследовать национальную литературу с новых позиций – с точки зрения концептуализации мира авторами. Впервые это осуществляется на материале поэзии юкагира Г.Н. Курилова – Улуро Адо.

There is a need to observe «ethnic literature» from quite a new position within modern scientific paradigm: from the point of view of the authors' world conceptualization. For the first time it is realized on the materials of Jukaghir writer G.N. Kurilov – Uluro Ado.

Ключевые слова: юкагирская литература, Г.Н. Курилов – Улуро Адо.

Jukaghir literature, G.N. Kurilov – Uluro Ado.

УДК: 82.1.9.

Контактная информация: Якутск, ул. Белинского, 58. ЯГУ, филологический факультет. E-mail: hazankovich33mail.ru.

70-летию юкагирского

ученого, поэта посвящается

В апреле 2008 года исполняется 70 лет юкагирскому ученому-лингвисту, прозаику и поэту Гаврилу Николаевичу Курилову-Улуро Адо. Он называет себя «старейшим юкагиром» на планете – никто из его сородичей не доживал до семи-десятилетия. Это вызывает горькие раздумья о драматичной судьбе исчезнувших во времени 11 юкагирских родов, уходящем реликтовом языке юкагиров, да и самого этноса, – юкагиров осталось менее полутора тысяч человек на земле. Но количество народа не влияет на качество таланта. Эти слова, сказанные в свое время о родоначальнике юкагирской литературы Тэки Одулоке, авторе повести «Жизнь Имтеургина-старшего», остаются актуальными и по сей день. Г.Н. Курилов – сын последнего юкагирского шамана Николая Курилова. Семья Куриловых подарила юкагирскому народу целую плеяду творческих людей: старший брат – Семен, автор знаменитого романа «Ханидо и Халерха», тогда как младший – Николай – реализовал свой творческий потенциал как художник и прозаик-фантаст. В Ленинграде, в стенах педагогического института имени А.И. Герцена, у Гаврила зародился интерес к науке. Сегодня в научном мире Г.Н. Курилов известен как авторитетный ученый в области юкагирского языка, доктор филологических наук и автор академического «Юкагирско-русского словаря», который увидел свет в новосибирском издательстве «Наука». С момента основания Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН Г.Н. Курилов возглавлял отдел юкагирского филологии. Венцом его научных работ следует также считать завершение работы в 2005 году над томом «Фольклор юкагиров» из серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

Гаврил Николаевич Курилов дебютировал как поэт в далеком 1963 году, будучи студентом. Первые стихи, по совету переводчика Чагыла Мординова, Г.Н. Курилов опубликовал в газете «Молодежь Якутии» под псевдонимом Улуро Адо, что означает в переводе с юкагирского «сын Олеринской тундры». Сегодня в творческом багаже Г.Н. Курилова Улуро Адо более двух десятков поэтических сборников и книг на юкагирском, русском, якутском языках. Первая книга Улуро Адо «Пока дремлют олени» была написана в Ленинграде. В одном из интервью он признался, что название книги носило метафорическое содержание: «Я имел в виду то, что носителей юкагирского языка с каждым годом убывает» [Курилов, 2003, с. 2]. Тема родного языка векторно пронизывает все творчество юкагирского поэта: *Ты чист, как речь ребенка / Ты не лжив. Светла твоя глубинная основа / Пусть, может быть, не очень и велик / Запасник твой, твой арсенал словесный – / Ты мне мил, водульский наш язык. / Отцовский, материнский, добрый, честный.*

Г.Н. Курилов-Улуро Адо дебютировал в конце 1960-х – начале 1970-х годов не в традиционном для себя творческом амплуа, – у него вышел цикл повествований «Рассказы Юко» [Курилов, 1973]. Образ главного действующего героя – Юко-малыша, мальчика-поэта, был собирательным, но не был лишен автобиографичности. Отметим, что традиция автобиографического повествования имеет в прозе коренных народов Севера, в частности юкагирской, глубокие корни. Литературы малочисленных народов Севера начали свое существование с повестей, восходящих к традициям автобиографических повествований Л.Н. Толстого и А.М. Горького. В этой связи следует вспомнить первые повести юкагира Тэки Одулока «Жизнь Имтеургина-старшего», эвена Н. Тарабукина «Моя жизнь», удэгейца Джанси Кимонко «Там, где бежит Сукпай». Традиционно «Рассказы Юко» Г. Курилова относят к «детской литературе». Но это далеко не первая «детская» книга Улуро Адо. В 1967 году им была написана на юкагирском языке поэма-сказка «Человек и Красный Зверь» [Курилов, 1974]. В основу был положен сюжет добывания огня древним человеком: он, приручив огонь, кардинально меняет свою жизнь и жизнь на земле. В.Б. Огорокова, один из исследователей творчества Улуро Адо, указала, что данная поэма «посвящена детям ...и велико ее познавательное значение: что такое огонь, откуда он взялся, как его приручил человек и что он дает человеку» [Курилов, 1974, с. 41]. «Сказочный, фантастический» сюжет поэмы-сказки строится на авторской интерпретации архетипического мотива добывания огня. Этот мотив, на наш взгляд, имеет у Улуро Адо качественное, собственно юкагирское, содержание. Герой поэмы, добыв огонь, не вступает в борьбу с кем-либо и огонь не становится средством достижения определенных целей. В юкагирской интерпретации огонь-Красный зверь выполняет свои основные функции – согревает и кормит человека. Такая своеобразная трактовка образа Красного зверя-огня определена особенностями национального мировосприятия и этническими ценностями: юкагирами окружающий мир воспринимается абсолютно одушевленным. Отметим, что мифологический универсум юкагиров в целом направлен на передачу молодому поколению традиционных взглядов на природу – все в ней имеет своих духов-хозяев, которые следят за тем, чтобы человек не причинил вреда всему живому и неживому на земле. Для них миф – объективная реальность, которая сохраняется и по сию пору. Огонь относится к одной из сильных и почитаемых юкагирами стихий. Они считают, что «Огонь жизнь дает». Есть у юкагиров миф «Дедушка Огонь Мэру», где дух Огня наказывает человека за неуважительное отношение к себе человека и домашнему очагу [Огорокова, 2002]. Между человеком и Огнем у юкагиров выработался своего рода кодекс отношений. Так, Огонь кормят, гадают с его помощью, не бросают в него острые предметы, не плюют и, угостив, испрашивают желаемое. Такое кодифицированное поведение юкагиров по отношению к огню можно объяснить тем, что почитание Духа огня и культ ушедших предков имеет у них семантическую связь. Кормление огня воспринимается юкагирами как своего рода жертвоприношение, адре-

сумое «мертвому человеку, родне» [Фольклор юкагигов, 2005, с. 50–54]; [Жукова, 1996]. В этой связи интересна поэма Улуро Адо «Нунни» (1970). По признанию автора, хотя она и носила заказной характер, но вместе с тем в ней отражено мифологическое представление юкагигов о реинкарнации – «человек после смерти перевоплощается в новорожденного» [Курилов, 2001, с. 293]. Заметим, что на протяжении всего творчества Улуро Адо обращается к мифологическим поверьям своего народа, трансформируя их на сюжетном и смысловом уровнях.

Поэт Улуро Адо рожден древней юкагирской землей, культурой и языком вадулов (тундренных юкагигов). Как художник он сформировался внутри своего культурного пространства, с молоком матери усвоив накопленный юкагирами мировоззренческий опыт. На его основе у него были сформированы личностные ценности, смысловые представления о мире и человеке в нем, которые сложились в определенную авторскую картину мира. Но он не замыкается как человек, поэт только в своей культуре. Как настоящий Художник Улуро Адо вкладывает свою личность в свои тексты и тем самым продлевает свое бытие далеко за пределами своей жизни, тем самым сохраняет и укрепляет культуру своего народа. Юкагирский поэт доносит миру ощущения и чувства юкагигов посредством своеобразной образно-концептуальной сферы. В свое время Д.С. Лихачев предложил ввести в литературоведение продуктивное понятие концептосфера [Лихачев, 1997]. Она представлена концептами, которые представляют собой своего рода сгустки понятий, мотивов, образов, из которых, видимо, складывается поэтический мир национального автора. Концепт – это то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека и посредством чего вообще входит в культуру своего народа. Концепты изучает новое направление современной лингвистики – лингвокультурология. Но в рамках нашей статьи мы только обозначим постановку вопроса, сознательно сконцентрировав свое внимание исключительно на образно-концептуальном уровне, не затрагивая сферы лингвистики.

Архаическая культура юкагигов при всей своей «чувственности», на наш взгляд, сохраняет свою «вещность», что во многом определяет образно-смысловую специфичность поэзии Улуро Адо. «Вещность» культуры древнего народа определяет содержание образов-концептов – река, озеро, ветер, солнце, мать, олень, костер. Через эти образы преломляется и тема любви, дружбы, верности, возвращения, вины. Возможно, этим объясняется и отсутствие доминирования столь знакомых из русской поэзии концептов «любви», «разлуки», «мороки» и т.д. Как настоящий поэт Улуро Адо в своей поэзии имеет дело напрямую со стихиями – огня, солнца, ветра, он находится как будто внутри стихии и переносит свое юкагирское ощущение в поэзию. Хотя это ощущение рождено глубинами бессознательного, но в плане выражения образы лишены привычной нам «европейской» чувственности – эмоциональной избыточности и символичности. В них – безмерное жизнелюбие, собственно юкагирская темпераментность (от бунта до покорности), энергетика, ведь мир в представлении юкагигов живет «по законам света и тепла, холода и тьмы»: *Тальники, стоите вы в печали / С серым обмороженным лицом. / Ваши песни летние упали / С губ дрожащих золотым листом // Пусть случилось это превращение / По законам холода и тьмы, / Пусть для солнца нет и малой щели / В низких сводах / Ледяной тюрьмы. // Сердце и в окопах не сдается: / Знает – как ни тяжелы они, / А наступит срок – / И свет пробьется... / И опять ручьев воскреснет пенье, / И закусят реки удила. / И случится это превращенье / По законам Света и тепла.* Одушевление «неживой» природы, пантеистическое мироощущение автор сохраняет и образно воплощает в своих стихах, – потому они столь близки мировосприятию его сородичей, и понятны инонациональному читателю.

Основными концептами любой культуры является время и пространство. Причем концепт времени в поэзии народов архаической культуры, к которым относятся и юкагиры, является доминантным. Так, время северянами воспринимает-

ся в связи с потоком значимых событий и цепью поколений. При этом понятие времени в поэзии северных народов зачастую выражается «пространственной» метафорой «пути» – жизнь человеческая есть путь, равно как кочевье с оленями есть тоже путь. С метафорой «пути» на семантическом уровне связано представление юкагиров и о «нунни» – время и поколения людей появляются из прошлого и уходят в будущее: *нунни, нунни... / хорошее поверье / среди моих сородичей живет. / Большой имеет смысл оно: / потери / не нарушают жизни стройный ход. / Вот ты – / живое воплощение деда, / тебе его надежда как своя... / От жизни – к жизни, / словно в эстафете, / не сыщешь где начало, где конец. / Но сыновья – / они всегда в ответе / за то, что не доделали отцы.* Специфичное восприятие времени Улуро Адо, который наделяет эту категорию определенными смыслами и коннотациями, определено мифоязыческой традицией, которая имеет выход на бессознательном уровне. В его поэзии время не носит линейный характер: ошутима цикличность мифологического времени, к которому апеллирует автор. Обращенность в мифологическое прошлое есть устойчивая черта художественного сознания Улуро Адо. Оно становится средством культурной самоидентификации. Заметим, что в лексическом составе юкагирского языка доминирует темпоральная лексика со значением «абсолютного, мифологического прошлого». В поэзии Улуро Адо время обратимо: автор акцент ставит не на связи времен, а на движении – от настоящего не в будущее, а в прошлое. Оно метафорически обозначает одну из важнейших парадигм художественного сознания северян: стремление прикоснуться к истокам, нащупать свой культурный «корень», восстановить связь времен: *Я боюсь этих стойбищ немых, / где ни знака, ни слова, ни гула, / где последняя песня уснула / под золой далекой зимы. / Стаял призрак печальных тех лет, / но в полях я все слышу рыданья, / И опять оживает преданье, / и мертвеет луны бледный свет. / И я вижу, как древний старик / Мне навстречу идет от стоянки... / И, в лицо мне уставясь, смеется / странным смехом, похожим на крик. / Вот, вина меня в вечной вине, / из лохмотьев достанет он гордо / ту убитую песню народа / и швырнет ее под ноги мне! / Я тех стойбищ боюсь, но молчу, / И зачем говорить мне о страхе? / Просто листья – осенние птахи / вздули память мою, как свечу («Память»).* «Голос» прошлого исходит извне – это крик, песня, дыхание, но обязательно у Улуро Адо этот «голос» резонирует со струнами его души, и тогда голос «прорезывается» и изнутри человека.

Концепт пространства у Улуро Адо представлен достаточно широко. Быть может это связано с тем, что культуры кочевых народов относят традиционно к «пространственным культурам» [Гачев, 1988, с. 4–36]. Образной доминантой поэзии Улуро Адо является природа. Она – единственная реальность, источник неисчерпаемой красоты и вдохновения. Юкагирский поэт создает образы зримые и пластические, в которых много света и чистоты. У него все сливается: и закат, сотканный из лучей заходящего солнца, и серебристый иней, покрывший спины оленей: *Вы знаете ли край, / Где в зимнем небе мгlistом / Мерцают ручейки, смерзаясь на бегу, / И быстрые следы, / Подобно прелым листьям, / Чеканны на снегу? / Впервые в том краю, морозом опаленном, / Узнал я, как сладка весна в хмельном чаду, / Там, в том краю, стремительны и чисты реки, / Огромное небо заполнено звездами до седины, / там целуются с землей олени, / целуются всю жизнь – так в землю влюблены.* Так видит природу тундровый кочевник, потому что «если следовать таежным законам, все, на что ни посмотришь в тайге и тундре, – красиво и правильно» [Жукова, 1996, с. 39]. Отметим, что концепт пространства у Улуро Адо художественно воплощен в образах Тундры, Ветра, Озера, Реки. Все эти образы семантически связаны с понятием Простор.

В рамках статьи мы остановимся только на двух концептах – Тундры и Воды. Просторы тундры не простое географическое место – это жизненное пространство тундренного юкагира, пространство его духа: *Вы знаете тот край, / Где серебром течет / ночное небо, прячась в облака, / где заблудилась среди звезд*

/ старинной песни нежная строка. У Улуро Адо тундра разнолика: то она просыпается в серебряном звоне / и росой холодной умывает лицо... / И веселой улыбкой награждает меня, то она угрюма, где небо, как в насмешку, прикрывает / тебя дырявой серою дохой. Но тундра для кочевника-северянина ассоциирована со свободным выбором своего пути, свободой движения, свободой выражения. Потому тундра вдохновляет поэта, зовет в далекую даль... / к тем словам, что пока еще мной не открыты, / к тем стихам, по которым всю жизнь тосковал. Мифообраз воды получает в поэзии Улуро Адо свою художественную проработку. Не случайно сборник стихов «Милая Лабунмэдэну», посвящен реке Лабунмэдэну – так называют юкагиры реку Большая Чукочьа. Отметим, что стихотворение «Милая Лабунмэдэну», на наш взгляд, по содержанию восходит к личной песне-монологу, которая имеет широкое распространение у тундренных юкагиров. Личные песни зачастую носили импровизационный характер и исполнялись от себя и о себе. У тундренных юкагиров «Песня о реке Лабунмэдэну», где воссоздается поэтический образ юкагирской реки-бабушки Лабунмэдэну, напоминающей аргиш с белыми оленями во время ледохода, имеет широкое бытование и нередко исполняется именно на тот или иной личный напев. Причем сочетается в исполнении собственно пение и речитатив. Эта манера юкагирского исполнения получила поэтическую трансформацию у Улуро Адо, а переводчику стихотворения И. Фонякову удалось передать собственно юкагирскую интонацию: Милая Лабунмэдэну, / Вдруг – с чего, не знаю – / Постарела ты, родная... // Милая Лабунмэдэну, / Без тебя у юкагира / Песня плавная не льется, / В сердце холодно и сирое. / Милая Лабунмэдэну, / Счастья нашего гнездовье! / Убережь тебя хочу я, / Охранить своей любовью. У юкагирского поэта есть привычное наполнение образа Воды, который семантически коррелирует с понятиями текучести, норовистости, подвижности: Весь день вчера / Стонало озеро, / плевалось пеною / весь день. / А к вечеру / метаться бросило, / легло, / как раненый олень / ...А нынче утром, / Льдом затертое, / Под оболочкою литой, / Оно уже лежало мертвое, / Придавленное, как плитой. Но мифообраз воды имеет у Улуро Адо связь с концептом Памяти. Нам видится, что в поэзии Улуро Адо, согласно мифологической традиции юкагиров, река-озеро есть даже своего рода структурирующий элемент «своего» пространства: Блещет озеро, легкие волны качая... / Тут рыбачил с отцом я в бывалые годы... / Как мне дорого все, как знакомо и любо, / Как созвучно душе моей немолодой! / Я склоняюсь – и вздрагивают мои губы, / Наконец-то встречаясь с озерной водой. / В мелких брызгах лицо мое... / Что это значит? / Не понять мне в сиянии белого дня – / Я ли плачу, друзья, или озеро плачет / Словно мать, ожидавшая долго меня?. Погружение в Прошлое и уход в будущее связано с лейтмотивом нахождения у воды. В этом проявляется одна из важнейших мифомагических функций воды, которая столь образно нашла выражение в поэзии Улуро Адо.

За рамками нашей статьи остались не рассмотренными концепты Матери и костра, Поэта и поэзии, оленя и пастуха. Мы только обозначили доминантные концепты времени и пространства в творчестве Улуро Адо и попытались их интерпретировать в культурологическом ключе. Но вместе с тем нам видится продуктивность данного подхода в исследовании лирики юкагирского поэта, прозаика, пишущего на родном юкагирском языке. Таким образом, поэзия Г.Н. Курилова весьма богатый материал для лингвокультурологических исследований. Безусловно, наивно полагать, что обозначенные нами концепты исчерпывают все творчество редкого таланта Улуро Адо. Но однозначно одно – чем больше вглядываешься в творчество юкагирского поэта, тем дальше отодвигается линия горизонта его познания.

Литература

- Гачев Г. Национальные образы мира. М., 1988.
Жукова Л.Н. Религия юкагиров: языческий пантеон. Якутск, 1996.
Курилов Г.Н. Рассказы Юко. М., 1973.
Курилов Г.Н. Человек и Красный Зверь. Якутск, 1974.
Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск, 2001.
Курилов Г.Н. Интервью // Илкэн. 2003. № 6.
Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология. М., 1997.
Огорокова В.Б. Северное созвездие. Якутск, 2002.
Фольклор юкагиров. Новосибирск, 2005.